

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Зачастую руководящие работники райкома или райисполкома за день объезжают половину района и, не выходя из машины, дают указания.

Часовой график работы товарища Верховлядкина.

К Р О К О Д И Л

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Надо фермы окружить
Кормовыми базами.
Баз никак не заменить
Кормовыми фразами.

Пой, гармонь, на лад весёлый!
Едут в сёла новосёлы,
Инженеры, агрономы...
Их в колхозах ждём давно мы!

У овцы сегодня стрижка.
— Беспокоит! Иль не слишком!
— Беспокоит,— отвечала,—
Потому что шерсти мало.

Пахнет сеном над лугами,
Пахнет над пригожими,
Если, скажем между нами,
Руки к ним приложены.

Отношение такое
К технике имеется:
Лобогрейка на покое
Знай под солнцем греется.

Тракторист был глух к учёбе,
Трактор в поле он угробил.
За баранку, милый, сесть —
Не баранку с маком съесть.

Наш колхоз — передовик,
Славимся мы опытом,
Но о нём район привык
Говорить лишь шёпотом.

Из совхозного пруда
Вдруг исчезла вся вода:
Кошка с курицей вдвоём
Осушили водоём.

У Пахома два диплома,
Ветрача и агронома,
А работает Пахом
В магазине «Гастроном»!

Персональная ракушка, или учёный-отшельник.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Есть ещё специалисты сельского хозяйства, предпочитающие отсиживаться в канцеляриях.

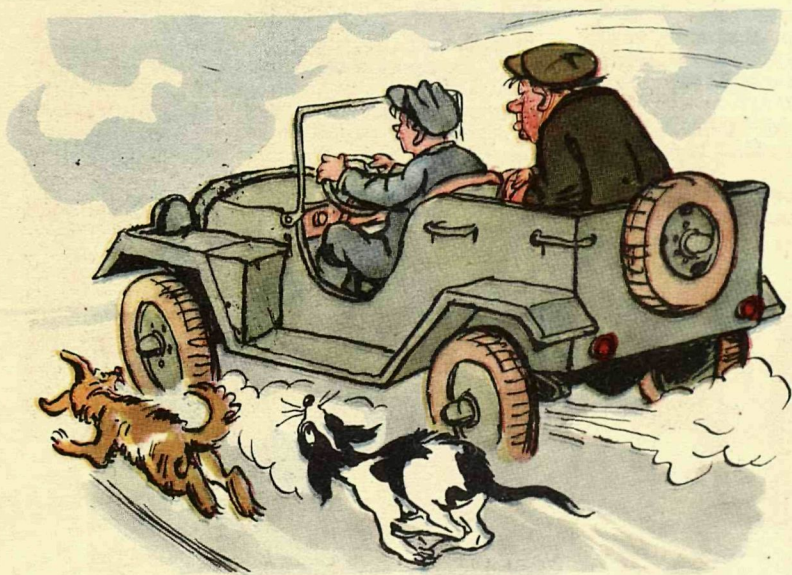
С насиженного места.

Нередко райкомы перебрасывают из колхоза в колхоз провалившихся и проворовавшихся людей, навязывая их колхозникам.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Он проворовался.

Его увезли и...

посадили.

Сорняки И ФОРМЫ

Председатель колхоза «Красный пахарь» Иван Петрович Доржулай-оол прискакал в районный центр, едва занялась заря. В райисполкоме окна были наглухо закрыты ставнями, и Доржулай-оол поехал прямо на квартиру к районному агроному. Несмотря на ранний час, в доме агронома горел свет, а сам хозяин сидел за столом среди вороха бумаг и писал.

— Здравствуй, учёный человек, — сказал Доржулай-оол, — беда случилась.

— Здравствуй, колхозный хозяин, — ответил агроном, — что за беда? Где?

— В яровом поле у Кривой балки сорняк одолел. Сделай милость, поедем, погляди.

Районный агроном хотел было встать, но груды бумаг на столе угрожающе зашевелились, и он упавшим голосом сказал:

— Нет, председатель, не могу... Некогда мне... Я к тебе лучше Сергея Ивановича, участкового агронома, пришлю.

Доржулай-оол уехал, а районный агроном позвонил участковому:

— Слушай, Сергей Иванович, у меня сейчас из «Красного пахаря» председатель был. Жалуются, сорняк заел. Важно установить, как и откуда он появился... Говоришь, самому интересно? Ну вот и хорошо. Поезжай в «Красный пахарь». Почему некогда? А чем ты занят? Отчёт? Ах, да!.. Когда же ты представишь? Что-о-о? Да ты меня без ножа режешь! Ну и что ж, что вся семья над отчётом сидит! Соседей привлеки, знакомых... А кто задерживает сведения? Доржулай? Уж не из колхоза ли «Красный пахарь»? Что он, с ума сошёл? К чёрту все сорняки! Пускай всё бросает и составляет сведения!

— Безобразие! — выругался районный агроном, вешая трубку. — Прямо под выговор меня подведут!

Он снова позвонил и потребовал вызвать к телефону всех председателей колхозов.

— Подымите на ноги всех! — без вступления начал агроном, когда председатели были «на проводе». — Отчёт о выполнении весеннего сева должен быть готов сегодня же. Всё!

— А как же быть с подготовкой к уборке? — спросил кто-то из председателей, когда агроном кончил.

— Отчёт не может ждать, — уклончиво сказал агроном и дал отбой.

В доме агронома проснулись все его родичи и, наскоро перекусив, принялись сортировать бумаги. Жена и свояченица считывали цифры. Дед записывал их в толстую книгу. Сыновья разграфляли новые листы и сшивали их. Сам районный агроном заносил цифры в листы, а также осуществлял общее руководство.

Работа кипела...

Весь день к дому агронома на взмыленных конях подъезжали курьеры из колхозов и сбрасывали мешки с бумагами. Дед агронома, по совместительству исполнявший должность экспедитора, расписывался в получении бумаг.

К вечеру, когда агроном уже мысленно поздравлял себя с успешным завершением работ, пришёл почтальон.

— Пакет из области, — сказал он и передал агроному толстую пачку. Агроном вскрыл пакет и ахнул.

«При этом, — читал он, бледнея, — направляем Вам формы агротехнических отчётов о весеннем севе в 1953 году. Отчёт должен быть составлен по каждому колхозу в отдельности в трёх экземплярах... Для составления отчёта привлечите всех специалистов сельского хозяйства».

Новые формы отчёта размещались на семнадцати листах и содержали в себе одну тысячу двести шестьдесят шесть вопросов.

«Если сбор сведений, подсчёты и запись ответа на каждый вопрос займут всего пять минут, — грустно размышлял агроном, — то на весь отчёт потребуется шесть тысяч триста тридцать минут, или сто пять с половиной часов. Если работать по восьми часам в день, то потребуется 14 рабочих дней. А область требует: вынь да положи отчёт через пять дней! Как же быть?»

Агроном почувствовал страшную усталость и заснул, положив голову на кипу отчётов. Снилось ему яровое поле у Кривой балки, сплошь поросшее сорняками. А по-над сорняками на лёгком облачке восседал начальник управления земледелия Тувинского областного управления сельского хозяйства и заготовок Н. Д. Петров и с упоением читал груды отчётов, изготовленных по его инициативе и указаниям.

А. СУКОНЦЕВ

СКАЗКИ АРТАМОНОВСКОГО ЛЕСА

Кто кем руководит

Шумит тайга над Тоболом. Грустит в своей служебной светлице директор Артамоновского леспромхоза Кудрявцев:

«И зачем только сделали меня лесозаготовителем, когда эта специальность для меня — тёмный лес! Лучше бы я руководил пекарней или баней».

А за стеной, слышно, гудят два голоса. Идёт скучный разговор:

— Что же это, товарищ Касаткин? Вы уж целых два часа сидите за столом. Дайте же и мне поруководить!

— Откуда же это «два часа», товарищ Колчанов? Я только-только за дела взялся, а вот вы действительно как сядете, так вас лебёдкой со стула не подымешь.

Такие принципиальные производственные споры продолжаются здесь с конца июня. Тогда, ввиду болезни Касаткина, главным инженером леспромхоза был назначен Колчанов. Вскоре болящий выздоровел и приступил к работе. И с тех пор в леспромхозе два главных инженера. А кабинет у них один. И стол один. Так вот они и руководят по очереди.

А Колчановым, Касаткиным и их руководителем Кудрявцевым руководят начальник комбината «Иртышлес» Царапкин и управляющий трестом «Тюменьлес» Никифоров. Ничего, руководство довольно оперативное! За семь месяцев нынешнего года директор леспромхоза получил 2 058 различных приказов, циркулярных писем и телеграмм. И каждая из этих бумаг содержит в себе громоздкие стимулирующие слова: «Требую...», «Обязываю...», «Предупреждаю...», «Под вашу личную ответственность...».

Тем временем дела в артамоновском лесу идут своим чередом...

«Машина — тварь бессловесная»

В посёлке Варвара визжат пилы, роко-чут моторы автомашин. Возле гаража происходит драматическая семейная сцена.

— Отдай примус! — восклицает почтенная гражданка, хватая за руки супруга-шофёра, крепко сжимающего в объятиях ещё не остывшее орудие кухонного производства.

На шум выходит из гаража главный механик леспромхоза Устьянцев.

— Мамаша, будьте сознательны, — говорит он укоризненно. — Ну как вы не понимаете, что от вашего примуса на данном отрезке зависит график вывоза древесины!

— А вы понимаете, что мне обед надо готовить? У вас для работы не чужой примус, а своя паяльная лампа должна быть!

— Что же поделаешь, нету у нас паяльной лампы, — грустно говорит главный механик. — Уж будьте настолько великодушны...

И хор шофёров дружно откликается из гаража:

— Машина — тварь бессловесная, её тоже пожалеть нужно!

Через несколько минут громкий шум примуса возвещает о том, что ремонт начался.

Это, прямо сказать, очень хлопотливая, но пустопорожняя работа. Ремонтировать автомашины, которые возят лес по дороге от Варвары до Сеингуля, — всё равно что таскать воду решетом.

— На той дороге только бы танкистам езду с препятствиями отрабатывать, — говорят шофёры.

Что же касается артамоновской бухгалтерии, то она такими художественными образами не оперирует. Её подсчёты пока-

зали: за один только летний месяц на ремонт автомашин, искалеченных невообразимой дорогой, положено столько же труда, сколько на месячную заготовку леса!

Игра природы

Есть в артамоновском лесу посёлок Ключи. И тут же речка с маловразумительным названием — Иска. Официально считается, что по ней сплавляют лес. Но ежели ставить вопрос неофициально, то придётся решить такую замысловатую задачу: куда поплывёт бревно, брошенное в мелкую лужу?

За всеми своими хлопотами лесные деятели как-то позабыли, что речку Иску надо расчистить, приспособить для сплава. И минувшей весной по радиоприказу управляющего трестом Никифорова дружно грохнули туда 100 тысяч кубометров леса. Грохнули и стали гадать: поплывёт или не поплывёт?

А куда ему плыть, лесу-то? Забили брёвна всё русло маловодной реки, улеглись сплошными завалами на несколько десятков километров. А на берегу другие завалы: ещё с прошлых лет лежат горы несплавленного леса.

Так вот и получается странная игра природы: лес по реке Иске никак не плывёт, а государственные средства уплывают беспрепятственно.

— Миллиона два уже сплывали таким способом! — удостоверяют опытные люди.

* * *

Да, скучно сейчас, товарищи, в тобольской тайге! Шумят осенние ветры. Падают пожелтевшие листья. Срывает план (который уже год подряд!) Артамоновский леспромхоз. Ну, как тут скажешь словами поэта, что осенняя пора — «очей очарованье»?! К данной географической точке это, безусловно, не относится...

Евг. ЛУЧИНЕЦКИЙ

Артамоново,
Тюменской области.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В МЕСТНЫХ РЕСУРСАХ ЗАПУТАЛСЯ...

— Соседушка, выручай, а то ни стола у меня, ни кресла: живу, как в лесу!

ЗУД мудрости

Литературный критик должен быть прямым, многоопытным и, не в последнюю очередь, мудрым мужем. Так полагал Назар Назарович Мурлыкин.

«А что значит быть мудрым? — рассуждал Мурлыкин. — По крайней мере, не казаться дураком, то есть делать вид, что знаешь всё, и обо всём иметь суждение самое непринуждённое».

Малейшее отступление от этого правила грозило Мурлыкину неисчислимыми бедствиями. Так ему казалось. Состоя на работе (штатной и внештатной) в трёх толстых и двух тонких журналах, он уже три десятка лет сидел в славном городе Москве, в уютном Лавровом тупике и не менее уютной квартире. От тупика до редакций — вот почти весь творческий путь этого известного критика. В кулуарах Союза писателей, где разговоры нелицеприятны, его считали мурлыкающим критиком, иными словами, человеком ничёмным. Однако Мурлыкин время от времени выступал на различных собраниях комиссий и секций, в которых нет недостатка в Союзе писателей. Мурлыкина слушали крепя сердце. Иной раз аплодировали. Порой его фамилия отмечалась пегитом в хронике «Литературной газеты». Таким образом, имя Мурлыкина так или иначе пребывало на определённом уровне литературной жизни, что создавало ему небходимый авторитет в редакциях и издательствах.

Главная обязанность Назара Мурлыкина состояла в том, чтобы давать советы, поучать молодых, встряхивать старых и ободрять престарелых писателей. Обязанность его вовсе не была щекотливой, то есть он мог говорить что угодно, не отвечая за свои советы ни перед собственной совестью и, разумеется, ни перед Союзом писателей. Со своими делами управлялся критик отлично, ибо выработал... Впрочем, к чему длинное предисловие? Давайте лучше послушаем его.

Вот он сидит в кресле, чуть-чуть лысеющий, вполне довольный собой Назар Мурлыкин. Он держит в руках пухлую рукопись. Напротив Мурлыкина на краешке стула ёрзает молодой писатель Н. Бойцов, приехавший из далёкого края.

— Я прочитал вашу рукопись, — говорит Мурлыкин, щури глаза. — Очень интересно столкнуться с сибиряками, вашими героями.

Бойцов явно смущён. Он нервно закуривает папиросу.

— Однако, — продолжает Мурлыкин, — самое главное — правда жизни.

Бойцов утвердительно кивает головой. Мурлыкин оживает.

— Вы пишете об охотниках-медвежатниках, товарищ Бойцов, но я не вижу их. Вы живописуете тайгу, но я не чувствую её. Вы говорите о любви, но я не ощущаю её. Вы рассказываете о храбром юноше, повисшем над пропастью в горах, но я не воспринимаю этот эпизод... В чём же дело?

Мурлыкин грозно поднимает вверх указательный палец, испачканный в чернилах. Бойцов опускает глаза и краснеет до корней волос. Ему кажутся весьма странными утверждения маститого критика, но как-то неловко спорить...

— Вы мало знаете жизнь, мало её изучаете, — продолжает Мурлыкин.

Молодой писатель едва верит своим ушам. Он молча берёт рукопись.

— А вы в Сибири бывали? — спрашивает Бойцов.

— Э-э-э...

— А вы сибиряков знаете?

— Видите ли...

— Живого медведя в тайге видели?..

— Э-э-э...

— Ну, а я, например, видел... Поглядите сюда, на этот шрам: память об одном мед-

веде... Понятно? Прощайте, товарищ критик!

Следующим на приёме был некто Соколов с Северного Кавказа, молодой человек лет двадцати пяти, литератор, пока что пребывавший в безвестности.

— Кавказ? — проговорил Мурлыкин, доставая из туго набитого портфеля три рассказа Соколова. — Так, так... «Кавказ подо мной. Один в вышине...» и так далее...

Соколов тряхнул чубом и улыбнулся широкой улыбкой.

— Ну, что вам сказать, товарищ Соколов? Горы ваши неубедительны. Туманы тоже. Ледники тем более... Э-э-э... Как бы это выразиться? Мало живого, непосредственного видения, мало индивидуального восприятия... Главное — это жизнь. Надо изучать жизнь...

— Я всё писал с натуры, — попытался возразить Соколов.

— О! — воскликнул Мурлыкин. — Разве изучение жизни заключается только в этом? Надо быть с народом, в гуще масс, надо безвылазно общаться с ними, жить одними помыслами, и так далее, и так далее. Я не встречал таких людей, какие действуют в ваших рассказах. Они не совсем ясны. Я их не ощущаю. Я их не вижу. Я не могу взять их на ощупь. Они где-то здесь, а я где-то там... Вам, конечно, ясно, о чём я говорю?.. Надо изучать жизнь, надо вариться в одном котле с героями, надо жить с ними бок о бок. Иначе всё уходит в песок. Иначе этой самой... как её... правды не чувствуется...

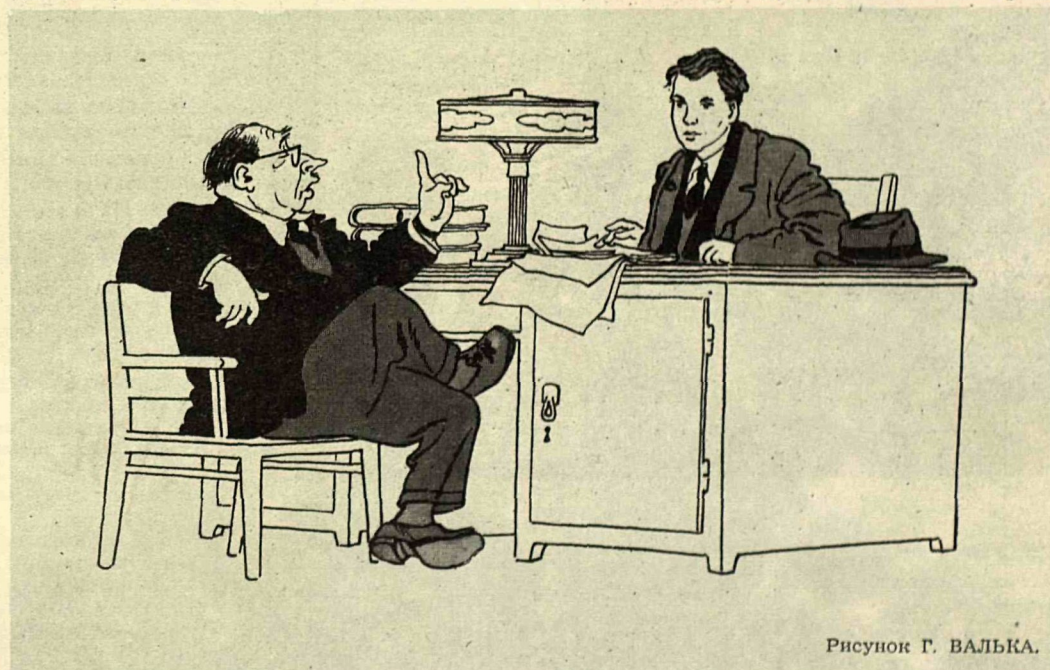

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Соколов ушёл, хлопнув дверью. Критик вздрогнул. Но он быстро оправился от неприятного ощущения, ибо перед ним уже сидел новый посетитель.

— Белов из Архангельска, — представился он Мурлыкину.

— Ах, Белов! — сказал Мурлыкин. — Это ваша рукопись «Заполярные ночи»?

— Да, моя.

— Читал, читал.

И Мурлыкин вывалил на стол махину в восемьсот страниц.

— Вы что же это, бывали на Новой Земле?

— Я прожил там несколько лет, — скромно ответил Белов.

— Несколько лет?

— Да. А что?

Мурлыкин развалился в кресле.

— Видите ли, — начал он. — Признаюсь, я читал вашу работу не без любопытства.

Всё это не лишено интереса. Я бы сказал больше: здесь, в этой рукописи, есть нечто

такое, что импонирует, нечто такое, что притягивает, и так далее. Но будем откровенны. Я не ощутил этой чудесной, но суровой северной природы. Я не увидел белых медведей, о которых вы пишете. Они где-то здесь, недалеко (Мурлыкин вытянул руку). Но я не ощутил полярного холода. Я не увидел вот где-то тут, перед глазами, ледяных глыб. Я не почувствовал дыхания людей. Голубые песцы мне показались взятыми напрокат из мехового магазина...

Мурлыкин отпил глоток воды.

Белов сидел, насупившись, туго сжав губы. Между тем критик, окончательно войдя в свою роль, продолжал с воодушевлением:

— Как вам угодно, товарищ Белов, но я не вижу глубокого знания жизни. Я не вижу материала, не ощущаю его всеми пятью чувствами. Я не могу пощупать его руками. Наша главная обязанность — изучать жизнь, вариться в общем котле со своими героями. Надо быть там, с народом, надо всё пережить самому. Да, да, я знаю, что вы жили на севере. Но я не чувствую, не ощущаю, не вижу ваших героев, не вижу природы, неба, моря, и так далее, и так далее. Всё как-то уходит в песок, нет этого самого...

Белов прерывает его:

— Довольно, уважаемый критик! Перестаньте зудить! Поезжайте-ка сами куда-нибудь и попытайтесь пощупать эту самую жизнь!

— Да как вы смеете? — вопит Мурлыкин.

— А очень просто: смею — и всё! Видали мы таких всезнаек!

Белов забирает свою рукопись. Он уходит, грохоча грубыми ботинками.

Мурлыкин припадает к стакану. Он истово глотает воду. Нет, не имели права

его так оскорбить! За что же, спрашивается? Ему хотелось говорить, всё говорить и говорить. Он понимал, что призван поучать, наставлять и так далее. Он весь был во власти зуда критической мудрости, но с кем говорить? Он выглянул в коридор. Там не было никого. Но как же унять этот зуд?

И выход был найден.

Мурлыкин уселся за рецензию. Он начал набрасывать очередную «закрытую» рецензию для издательства на повесть молодого писателя из Петрозаводска. Вот первые слова, которые он начертил:

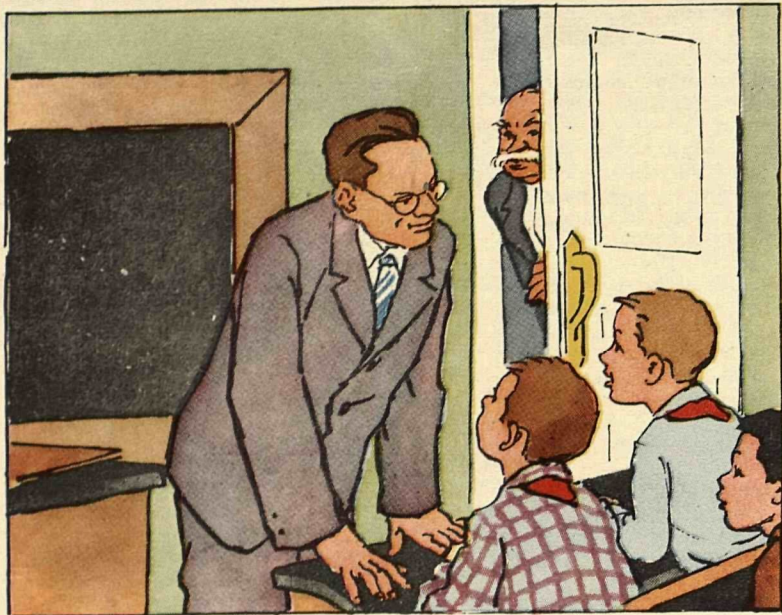
«Повесть не лишена интереса, однако я не ощутил, не почувствовал где-то здесь, недалеко от себя, людей, природу и так далее... Автор плохо знает жизнь... Автор должен изучать, и так далее, и так далее...»

Время шло, а Мурлыкин всё писал, писал. Зуд критической мудрости не давал ему покоя.

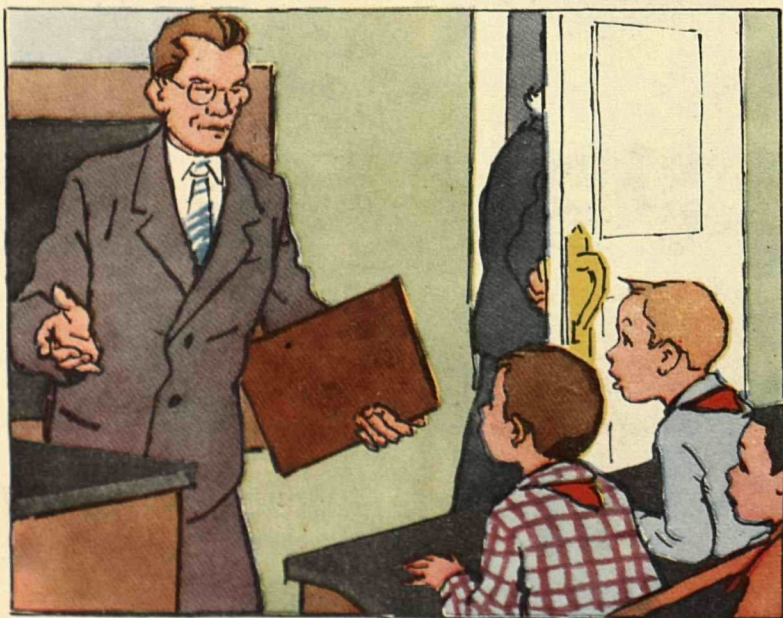
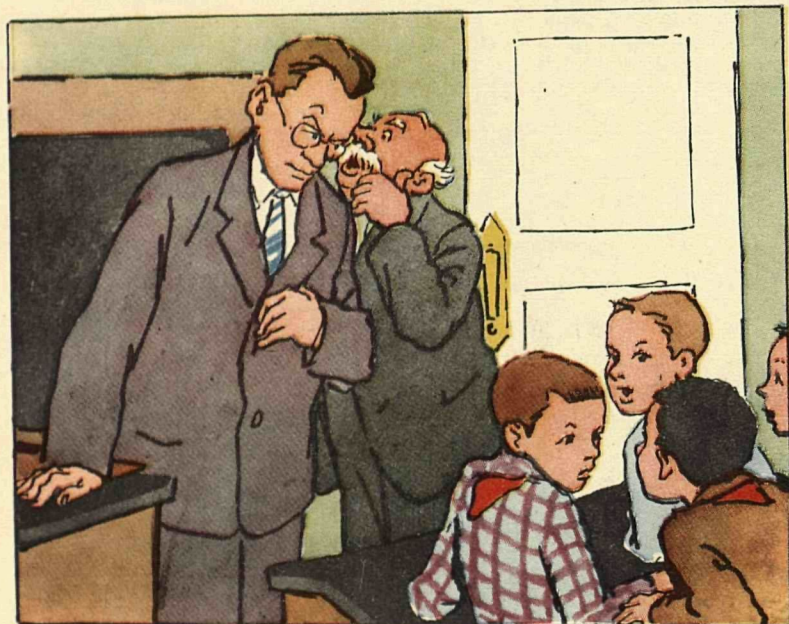
В школе № 1 города Юрги, Кемеровской области, за последние годы сменилось более двухсот учителей.

1946 год.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Дети, я ваш новый учитель, меня зовут...

...к директору. В другую школу переводят.

— Итак, товарищи, наше скромное торжество объявляется открытым. Слово имеет представитель Рубцовского горисполкома...

— Дорогие товарищи строители и все присутствующие! Сегодня мы делаем ещё один практический шаг навстречу бытовым нуждам работников Алтайского тракторного завода. Сейчас мы с вами заложим первый камень в фундамент будущей механизированной прачечной, которая... Одним словом, в час добрый! За дело, товарищи! Стройте! Спасибо вам скажут сердечное и семейные рабочие, и холостяки, проживающие в общежитиях, и питомцы детских яслей. Механизированной прачечной вытесним непроизводительный расход человеко-часов из нашего повседневного быта!

1949 год.

— Итак, товарищи, здание механизированной прачечной готово! Наше скромное торжество... Слово имеет представитель горисполкома...

— Дорогие товарищи строители! С торжеством попрошу обождать. По решению горисполкома завершение строительства прачечной отменяется. Это здание вам надлежит использовать под склад. В час добрый! За работу, товарищи! Превосходный получится склад!

1950 год.

— Товарищи строители! Это здание, приспособленное под склад, теперь надо обратно переоборудовать под помещение для механизированной прачечной. Действуйте, товарищи!

(Последующие два года проходят в ожесточённых спорах между тов. Чехлыстовым, начальником отдела капитального строительства Алтайского тракторного завода, и тов. Ивкиным, руководителем строительного-монтажного треста № 46. Ивкин требует 170 тысяч рублей на дополнительные расходы, Чехлыстов не даёт. Шум великого спора докатывается до министерства. Наконец смета утверждена, и строительство механизированной прачечной возобновилось.)

1953 год.

— Итак, товарищи, наш труд завершён, прачечная готова! Наше общее торжество, которое мы сегодня...

— Обождите-ка, товарищ Ивкин! Это, по-вашему, называется готово? А сушильные камеры где?

— Сушильные камеры, дорогой товарищ Чехлыстов, вашим же проектом не предусмотрены. Откуда ж им быть?

— Гм... Ну, а это что за безобразие? Куда, я вас спрашиваю, подключать стиральные и гладильные агрегаты? Где подводные каналы для пара и горячей воды и куда смотрел руководитель сантехмонтажа Лутоскин?

— А я тоже в ваши проекты смотрел, товарищ Чехлыстов. Там у вас так и обозначено: машины в одном месте, а подводные каналы совсем в другом...

Что же теперь делать? Снимать машины с фундаментов и перетаскивать к этим окаянными каналам просто глупо. А подводить новые каналы к этим треклятым машинам — надо железобетонный потолок ковырять. Такое дело тоже влетит в копеечку... Ну как же быть?

* * *

На этот мучительный вопрос нет никакого ответа. Семилетняя история необычайной стройки, столь богатая неожиданными событиями, остаётся всё ещё недописанной...

А. ШЕСТАКОВ

г. Рубцовск, Алтайский край.

Как ни странно, но...

...будильники, выпускаемые Орловским часовым заводом, ходят при одном неизменном условии: когда их положат вниз циферблатом. Эта необычная для часовых механизмов поза сильно огорчает покупателей: не видно, какое время будильники показывают.

Будем надеяться, что Орловский завод учтёт справедливые претензии покупателей и станет выпускать будильники не с одним, а двумя циферблатами, с лицевой и тыльной стороны. Иного выхода нет.

...административное здание Крымского облпроекта не строится по той удивительной причине, что хозяева не удосужились изготовить для самих себя проекта.

Очевидно, облпроект решил личным примером охладить пыл не в меру ретивых строителей, требующих своевременного составления проектов, смет, чертежей.

Куда, мол, вы лезете сейчас с вашими проектами, когда у нас своего-то нет!

«ПОПУТНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ»

В кабинет первого секретаря Новочеркасского горкома комсомола вошёл коренастый человек с холёными рыжеватыми усами и такого же цвета квадратной бородкой. Он отрекомендовался Сергеем Клочковым, и секретарь сразу вспомнил, что об этом человеке с ним беседовали комсомольцы Геологоразведочного техникума.

— Вот... исключили! — неловко улыбаясь, начал Клочков. — Разрешите присесть, хотя разговор у меня не длинный.

— Почему же не длинный? Надо бы поговорить обстоятельно. Ведь в техникуме вы были членом комитета?

— Вот-вот, именно! — обрадовался Клочков. — Всю жизнь был общественником, отлично учился. Такими комсомольцами нельзя бросаться. А тут какой-то случай с этой Аллой — и вот, пожалуйста.

* * *

Перед нами исписанная ровным убористым почерком тетрадь Сергея Клочкова.

Тетрадь озаглавлена: «Жизнь, учёба и любовь». А эпиграфом к ней взято собственное изречение автора:

«Этот маленький очерк пишу для себя, то есть для воспоминаний о пройденном жизненном пути в его последовательности, в его параллельности с учёбой и попутными ощущениями любви».

Человек с квадратной бородкой непомерно резв. Имена и фамилии случайных подруг мелькают на страницах тетради, как в калейдоскопе.

— Неправда! — возмутится, может быть, наш герой. — Была у меня и настоящая любовь к хорошей девушке Ане С. Мы знали друг друга с детства.

Да, Ане С. отведено большее количество страниц, чем другим девушкам. Судя по всему, она дарила Сергея Клочкова искренней, чистой любовью. Но бородатый юноша стремился только к «попутным ощущениям», и без всяких ограничений. Он утверждал, что «блюдут себя только мещанки». А жениться ему ещё рано, не за тем он заводил тетрадь с многообещающим заголовком.

Когда оскорблённая Аня С. отвергла его притязания, Клочков быстро утешился. И по этому поводу в тетради появилась вполне откровенная запись:

«Оказывается, я полюбил Нину ещё больше, так как получил её согласие, подтверждённое клятвой в виде комсомольского слова. После каждой встречи я сочинял стихи, которые так и назывались: «После первой встречи», «После второй встречи» и т. д.».

Однако и эта многократно воспетая в стихах любовь оказалась недолговечной. Вскоре Нину сменила некая Люба. За нею последовала «красенькая» Галочка (девушка любила красное платье), за Галочкой десяток других. Клочков резвился, а записи в тетрадях становились всё лаконичнее:

«Тамара осталась в том же положении, что и предыдущие».

«Люба меня преследует: у неё ребёнок, говорит, мой».

«Зина примитивна: приревновала меня к девушке, с которой я шёл из парка. Бросил».

Русский язык богат глаголами, но Клочкову по душе именно три глагола: «бросил», «расстался», «уехал». Охота к перемене мест сочталась у него со стремительной сменой склонностей к той или иной профессии. За свой короткий век Клочков побывал в учебных заведениях, готовящих техникумов-строителей, штурманов дальнего плавания, пожарных, лётчиков и геологоразведчиков...

Обратите внимание: Клочков склонен к романтике. Он избирает профессии, требующие широкой натуры и смелого сердца. Он, наверное, любил щегольнуть при случае как бы ненароком: «Я вёл корабль по звёздам»; или: «Готовлюсь к полёту в стратосферу». Девушкам это нравилось, и они ни разу не спросили его, почему он сменил Новочеркасск на Ростов и Ростов на Баку. Им было невдомёк, почему Клочков упрямо избирает для прогулок с ними тупички и закоулки. А ларчик просто открывался: на людных улицах и площадях, чего доброго, встретишь старых знакомых. Не особенно приятно объясняться с ними в

присутствии очередной Любы или Зины...

Где бы Клочков ни учился, он всюду был «рубахой-парнем», записным оратором на комсомольских собраниях, исправным плательщиком членских взносов. А всем остальным, к сожалению, мало кто интересовался. И до поступления в Новочеркасский геологоразведочный техникум всё более или менее гладко сходило ему с рук. А тут...

А тут Клочков встретил на своём пути Аллу. Кляся, что полюбил её всей душой, что это всерьёз и окончательно. Но прошло всего несколько дней, и Сергей уже рассыпался перед другими студентками.

Комсомольцы решили вывести новоявленного Дон-Жуана на свежую воду, и не в тихой индивидуальной беседе, возле стола, покрытого умиротворяющей зелёной скатертью, а на комсомольском собрании.

— Если ты её любишь, женись!

— Он обещал мне это в день нашей первой встречи, — всхлипывая, напомнила Алла.

Пока Клочков обдумывал обтекаемый ответ, в зале произошло непредвиденное: к столу президиума вышла студентка по имени Шура.

— Мне всё это очень интересно, Сергей, — начала она высоким голосом, искоса поглядывая в сторону Аллы. — Ведь ты говорил, что любишь только меня. И тоже обещал жениться.

— Позволь, позволь, — забормотал Клочков, нервно пощипывая бородку, — я действительно заходил к тебе несколько раз, когда болела Алла. Я искал истинного друга...

Тут он будто бы окончательно растрогался: произнёс проникновенную речь о непонятой душе, о дружбе, о любви — и принял молниеносно решение.

— Друзья! — сказал Клочков, широко улыбаясь и беря Аллу за руку. — Замнём неприятности. Женюсь! При свидетелях! Точка!

На другой день он зарегистрировался с Аллой в загсе. Ещё днём позже узнал, что горком склонен исключить его из комсомола и ходатайствовать об отчислении из техникума. Оставаться при таких обстоятельствах в Новочеркаске, на его взгляд, не имело смысла. Брать с собой жену — тоже. И Клочков скрылся.

Долгое время мы о нём ничего не знали. Теперь выяснено. Этот человек с квадратной бородкой работает в Ростовской гидрологической экспедиции по исследованию Цимлянского моря.

Сообщаем это к сведению девушек, которым он, может быть, рассказывает сегодня о своих дальних плаваниях и грядущих полётах в стратосферу.

Лариса ФЕДОРОВА

МАСТЕРА РАЗГОВОРНОГО ЖАНРА

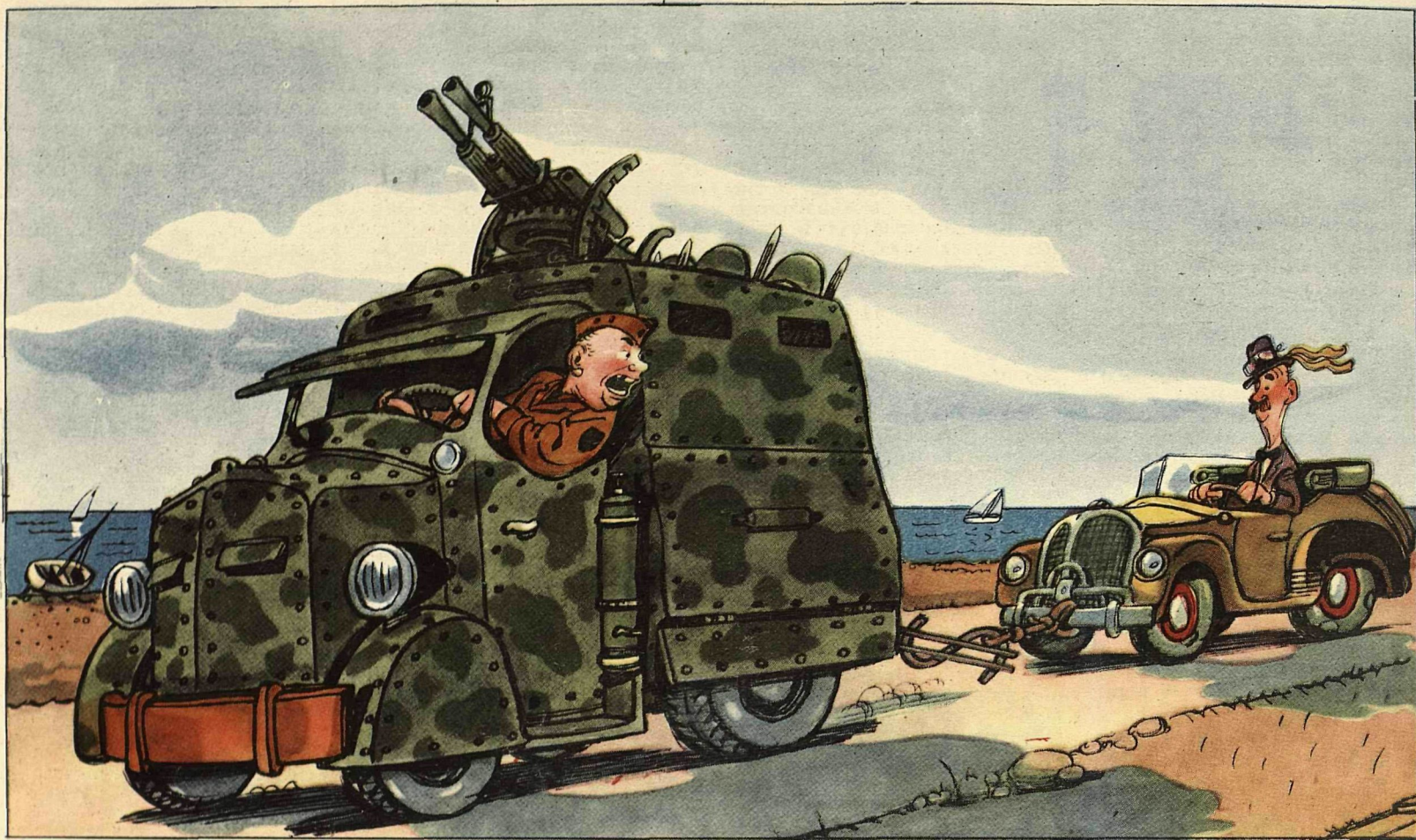
Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

— Товарищи, в работе нашего месткома есть один существенный недостаток: уж очень много мы говорим и мало делаем! Вот об этом давайте подробно поговорим...

Выполнение военных обязательств, навязанных американцами странам — участницам Северо-атлантического союза, ведёт к потере национальной независимости этих стран.

Рисунок Ю. ГАНФА.

— За свой суверенитет не беспокойтесь, вы будете управлять машиной сами.

УРОК УНИЖЕНИЯ

Последний летний месяц принёс норвежским поклонникам американизма ряд конфузных огорчений. В начале августа кочующая по чужим морям американская эскадра во главе с линкором «Айова» завернула в Осло, дабы нанести, как было объявлено, визит вежливости друзьям-норвежцам.

Пять дней пребывания янки на норвежской суше потрясли всех жителей столицы до глубины души. Ватаги американских моряков, набивших руку на дружеских заездах в другие страны Атлантического союза, стремглав ринулись с кораблей на улицы Осло и моментально превратили центр города в сущий вертеп. Вежливые гости повсеместно ознаменовали своё пришествие пьяными дебошами, драками и разнообразными бесчинствами, как на захваченной земле.

Ословский инспектор полиции Скалмерюд, повидавший всякие американские виды, оценил буйное поведение заокеанских моряков весьма высоко. Он сказал:

— Это превзошло то, к чему мы привыкли!

Столичная газета «Дагбладет» оперативно и подробно осветила хулиганские художества заезжих гостей под крупным заголовком:

«Моряки плюют на норвежскую полицию и полностью игнорируют её. Большинство полицейских из осторожности не появлялось на улицах».

Затем эта же газета посвятила похождениям беспокойных визитёров статью Мортена Харалдссена, в которой, между прочим, говорилось:

«Когда норвежец приезжает в США, то ему приходится отвечать на 24 нескромных вопроса для того, чтобы получить разрешение выйти на берег. Многие из этих вопросов носят такой характер, что недавно одна норвежка, выйдя из себя, дала оплеуху задававшему ей вопросы чиновнику. Читая эти вопросы, невольно начинаешь сомневаться, может ли даже святой проникнуть за этот созданный Маккарэном западный железный занавес».

В последующих рассуждениях Харалдссен неизбежно наткнулся на подлинно проклятый вопрос дружественных норвежско-американских взаимоотношений.

«Если бы мы имели свой закон Маккарэна,— писал, вздыхая, Харалдссен,— то немногие из трёх тысяч гостей могли бы вступить на норвежскую землю. Однако вопрос, позволили бы США нам иметь такой закон и уважали ли бы его соотечественники Маккарэна, остаётся открытым...»

Разумеется, и не позволили бы и не уважали бы. Наглый американский произвол пустил здесь глубокие корни и стал повседневным, бытовым явлением.

Кстати, тоже в начале августа норвежские офицеры, совместно работающие с американскими «советниками» и «военными специалистами», которыми наводнены все штабы норвежских вооружённых сил, заявили представителю Демократического пресс-бюро в Осло: «Мы ежедневно сталкиваемся с грубостью, с презрением ко всему норвежскому, с американским бахвальством, а также с полным нежеланием американских офицеров даже слышать мнение высшего по чину и в военном отношении более опытного норвежского военного начальника».

По всему видно, что поклонники американизма в Норвегии претерпят ещё немало бедствий от своего большого друга с противоположного океанского берега, ибо, как говорится, всё это — лишь начало бед, придут затем другие вслед.

М. ТОКАРЕВ

ЕДИНОДУШНОЕ КРИВОДУШИЕ

Недавно американский сенат единодушно одобрил резолюцию, гласящую, что США, дескать, добиваются лишь мира и разоружения. Эту демонстрацию высоких чувств и благородных устремлений в стенах Капитолия нельзя было назвать особенно мощной. Присутствовало всего 12 сенаторов. Остальные разбрелись, видимо, потому, что были вполне уверены в надлежащем исходе голосования. Лишь ряды пустующих кресел были немymi свидетелями очередного акта «миролюбивого» пустозвонства.

Кстати, резолюция была принята немедленно после того, как указанный ареопаг миротворцев утвердил новое солидное слагаемое (34.371.541.000 долларов) на «нужды министерства обороны», что в сочетании со многими другими миллиардами, ассигнованными на холодную войну, оснащение стран-оруженосцев и т. п., составляет три четверти американского бюджета. Если же приплюсовать сюда также и ассигнования, не использованные в прошлые годы, то общая сумма военных расходов составит около ста миллиардов долларов. В зловещем сиянии этой цифры чувства и устремления сенаторов становятся совершенно прозрачными, а фиговый листок благочестивой резолюции падает к их ногам...

Как видим, американский сенат бывает не только единодушным, но одновременно и криводушным.

ИНТЕРВЬЮ

не для печати

Видных деятелей правосоциалистических партий Западной Европы потянуло в Америку. За океаном в последнее время побывали английские лейбористы, французские и австрийские социалисты, датские и немецкие социал-демократы, — словом, всех не перечислить. В Соединённых Штатах они благоговейно изучают животрепещущий вопрос о так называемом содружестве капиталистов и рабочих. Возвратившись домой, они излагают свои забываемые впечатления в виде восторженных статей и пространных интервью на страницах мнимолиберальных и псевдорадикальных газет. Все они говорят примерно одно и то же. Что именно? Судите по диалогу, приведённому ниже.

— Нас весьма интересует вопрос об американском народном капитализме. Не скажете ли вы по этому поводу несколько слов в свете вашего посещения Америки?

— С удовольствием. Вспоминаю, как мы прибыли в Нью-Йорк. Был поздний вечер. Лил сильный дождь. К нам подошёл нищий и на прекрасном французском языке попросил несколько центов..

— Мне кажется, вы немного отвлекаетесь. — Ах, в самом деле! Итак, народный капитализм — это такая система общественных отношений, при которой, несмотря на сохранение современных классов, исчезает принципиальное различие между капиталистом и рабочим. Достаточно почитать биографии американских миллионеров, чтобы убедиться в этом. Почти все они вышли из народа.

— Для чего же они вышли из народа? — Разумеется, чтобы стать миллионерами. Продолжаю. Каждый американский рабочий имеет право приобрести акции любой компании или треста. Таким образом, он может стать пайщиком и, сохранив положение рабочего, одновременно превратиться в капиталиста. Одним взмахом доллара разрублены все противоречия!

— Следует ли понять вашу мысль таким образом, что народный капитализм — это система, при которой народ на правах пайщика участвует в ограблении самого себя? — Ни в коем случае.

— Но разве рабочие могут реализовать своё право покупки акций с таким же успехом, как это делают капиталисты?

— О, вы слишком узко смотрите на вещи! Тут дело в принципе. В каждом отдельном случае это зависит от человека и от обстоятельств. Я в Америке сам читал о безработном — обнищавшем бизнесмене, — который заложил свои последние штаны и на вырученные деньги приобрёл

одну акцию канализационной компании. Все крупные газеты печатали его портреты, — разумеется, до пояса.

— Вы считаете этого предприимчивого господина патриотом системы народного капитализма?

— Несомненно, это так и есть.

— А что вы скажете о статье руководителя парижского бюро газеты «Крисчен сайенс монитор» Волни Херда: «Народный капитализм — как перенести его в Европу?»

— Я считаю, что это скорее транспортная, чем социальная проблема. Нам не придётся при разрешении этой проблемы отказываться от своего суверенитета, поскольку мы его, слава богу, не имеем. Но я согласен с Хердом, что народный капитализм можно ввести у нас также и путём убеждения.

— Как вы представляете себе это?

— Следует убедить парламенты в необходимости поставить коммунистические партии вне закона. Людей, которые сочувствуют коммунистам, надо убедить, что с ними может произойти то же самое. Затем путём настойчивого, терпеливого убеждения следует заставить народ осознать все блага и преимущества размещения в наших странах американских военных баз. И, наконец, разъяснить населению, удалив предварительно смутьянов, что цели Атлантического союза превыше всего. И тогда народный капитализм восторжествует. Мы будем жить по-американски. Думаю, что здесь всё логично, позитивно и динамично.

— Помнится, до поездки в США вы были иного мнения обо всех этих вещах. Вы ведь были в оппозиции, не так ли?

— Я и останусь в оппозиции. Представляете ли вы, какой пропагандистский эффект произведёт единодушное выступление правящей и оппозиционной партий по основным вопросам политики?!

— Меня интересует другое место статьи Херда. Вот оно: «Видя, как живут американские рабочие, какими свободными, равными и значительными они себя чувствуют, видя... — ну, тут ещё два раза «видя»... — все приезжавшие европейские специалисты приходили в состояние возбуждения...»

— Припоминаю.

— О вас, например, даже говорят, что после посещения Америки вы и свою страну стали видеть в Новом Свете.

— Мало сказать! Я прозрел, друг мой, буквально прозрел! Колумб открыл Америку, как победитель. Спустя почти пять столетий мы, западноевропейцы, открываем Америку, как побеждённые, преклоняясь перед её образом жизни, который единственно может дать человеку свободу, равенство, братство и...

— Но не скороспелы ли ваши выводы? Ведь для того, чтобы досконально узнать Америку, нужно, как пишет Херд, свободно «пошататься» по её просторам, говорить с людьми «без специального руководства» и «без каких бы то ни было условий». Не значит ли это, что иностранцам чинят там различные препятствия?

— О, в этом отношении вы можете быть совершенно спокойны! Мы пользовались в Америке полной свободой, даже большей, чем сами американцы. Верите ли, американцы нам завидовали! С другой стороны, я думаю, что быть американцем лучше всего в Западной Европе. Впрочем, это вы не записывайте.

— Я и не записываю. Ещё два — три вопроса. Херд пишет, что в Соединённых Штатах можно видеть «осуществлённым на практике то, что социалисты стремятся достигнуть в теории»...

— Я, как старый социалист, полностью это подтверждаю. Но вы это тоже не записывайте.

— Херд особенно хвалит бельгийского социалиста Спаака. «Спаак, — пишет он, — стал в Европе одним из лучших друзей Америки, в частности, потому, что он не впадает в преувеличения, восхваляя её».

— А это уже несправедливо! Почему только Спаак? Мы тоже делаем всё возможное, чтобы... Впрочем, то, что я вам говорил насчёт Колумба, по-моему, несколько выбивается из общего тона ответов. Вычеркните это. И знаете, что: о безработном тоже не надо.

— Я сам подумал, что этот случай слегка противоречит вашей основной мысли.

— Вот именно. И вообще, пожалуй, лучше пока воздержаться от публикации интервью. Избирательная кампания близится... Вы понимаете меня?

— Вполне.

П. ЕВГЕНЬЕВ

Рисунок ПАК СЫН ХИ

(«Хуальсал» — «Стрела» — сатирический журнал Кореяской Народно-Демократической Республики).

Американские империалисты и лисынмановские предатели прибегли к «специальным мерам» по призыву населения на военную службу, мобилизовав для этой цели полицию и армию.

Лисынмановская клика в поисках пушечного мяса.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Аденауэр: — Уберите это до следующих выборов!

Леонид СОБОЛЕВ

Венский концерт

Недавно заехал ко мне мой старый приятель Николай Петрович, профессор биологии, с кем, между прочим, мы когда-то в Ленинграде отважно играли в четыре руки симфонии и оперы. Мы решили тряхнуть стариной — сели к роялю и раскрыли «Маленькую ночную серенаду», которая пятнадцать лет тому назад получалась у нас прекрасно (на наш взгляд, конечно). Однако старина встряхиваться не пожелала: либо за это время наши требования к исполнению повысились, либо в пальцах у нас началось старческое окостенение, от чего они стали попадать не совсем на те клавиши, которые имел в виду Моцарт.

Поэтому уже к концу первой части Николай Петрович с сердцем закрыл ноты и повернулся ко мне:

— Последний раз я слышал эту серенаду на удивительном концерте. Хотите, расскажу?

Я, конечно, согласился, и вот что он мне рассказал.

* * *

— Нынче летом меня вместе с академиком Иваном Михайловичем М. послали в научную командировку в Вену. Вы представляете, как я был рад? Увидеть Вену —

музыкальную Мекку, город, где творили Бетховен, Моцарт, Брамс, Шуберт, Гайдн, где играли Лист, Крейслер, Паганини, «веселую Вену», где родились бессмертные штраусовские вальсы!.. Побывать в венских театрах, послушать подлинную венскую оперетту, побродить по местам, связанным с жизнью великих музыкантов, посетить их могилы!.. В поезде я только об этом и говорил. Иван Михайлович начал даже подтрунивать над моей музыкальной восторженностью.

Чтобы разуверить скептически настроенного Ивана Михайловича, я по приезде предложил посмотреть венскую оперетту. Ещё в Ленинграде я справился у наших артистов, ездивших в Вену, где следует побывать. Мы вызвали такси, и я назвал шофёру «Люстпиль-хауз». Не оборачиваясь, он ответил:

— Закрыт.

— Ну, тогда в «Винер-Кюнстлертеатр».

— Не работает.

В записной книжке у меня значилось ещё семь — восемь театров. Все они оказались закрытыми. И тут у нас завязалась интереснейшая беседа с шофёром — настолько долгая, что он выключил мотор.

Выяснилось, что он вовсе не шофёр, а физик, что ещё недавно он был профессором Венского университета, а его жена — артисткой театра «Инзель». Девять столичных театров, в том числе «Инзель», лишённые государственной дотации, закрылись. В поисках работы она объехала все провинциальные города. В десяти из них — в Ишле, в Кремсе, в Филлахе, в Винер-Нейштадте и других — театры закрылись по той же причине, в оставшихся не было ангажемента. А к тому же в университете катастрофически сократились лекции.

— Сейчас швейцар в нашем доме получает больше меня, — закончил шофёр-физик и с горькой улыбкой добавил: — Мы поставили своеобразный мировой рекорд: как установил профессор Рорахер, самая низкая заработная плата преподавателей высших учебных заведений у нас, в Австрии... Вы не поверите, но за целый семестр наши доценты получают шестьдесят — сто шиллингов! Проезд в трамвае на лекции стоит дороже... Вот и приходится менять профессию. Да и то удалось получить работу только через день: по чётным числам такси водит мой сосед — художник... Вот кому не повезло! На прошлогодней выставке очень хвалили две его кар-

тины, их даже соби́рался купить венский музей, но виной всему «культургрошенгезетц», — картины не купили, и Мориц пошёл сперва в дровосеки, а потом устроился на такси...

Уловив в рассказе собеседника замысловатое словечко «культургрошенгезетц», мы удивились. Выходило что-то вроде «культурный грошовый закон». Иван Михайлович спросил, что это значит.

— А вот послушайте, — оживился физик. — В нашем государственном бюджете расходы на военные нужды — на постройку казарм, строительство стратегических автострад вроде дороги Вена — Зальцбург и прочее — исчисляются в миллиардах шиллингов, а расходы на школы, университеты, театры, музеи, консерватории — в грошах. Да, в старых добрых грошах, существующих теперь только в бабушкиных сказках, когда за грош можно было купить венскую булочку или пойти в Пратер на музыку... Я не помню цифр нашего бюджета, но хорошо знаю, что на культуру, образование, спорт в муниципальном бюджете Вены выделено столько же средств, сколько на уборку городского мусора. Наверное, поэтому в нашем университете нет ни аппаратуры, ни газа, ни электроэнергии для производства элементарных физических опытов... Мой коллега профессор Тирринг работает в исследовательском институте радио на аппаратуре, закупленной ещё в 1910 году. Вот это и есть наш австрийский «культургрошенгезетц». Впрочем, обо всём этом можно говорить до утра. А мне надо ездить и зарабатывать деньги... Да, вы хотели послушать музыку? Что же, я отвезу вас на один концерт. Уверю вас, в нём участвуют лучшие музыканты. Хотите послушать концерт в Венской опере?

Мы изумились. Нам хорошо было известно, что здание знаменитой Венской оперы было перед самым взятием Вены Советской Армией разрушено американскими бомбами и, по нашим сведениям, за эти восемь лет всё ещё не восстановлено. Поэтому Иван Михайлович переспросил, правильно ли мы поняли название.

— Вполне правильно, — усмехнулся наш профессор. — Сейчас это центр нашей музыкальной жизни. По средам и субботам там даются замечательные концерты. Я не могу тратить времени и поэтому сам не слушаю их, но весь артистический и научный мир Вены бывает там. Не скажу вам точно, что играют сегодня, но нынче среда. Очень советую вам поехать. Уверю вас, ничего подобного вы в жизни не знали...

Понятно, мы согласились. Профессор физики завёл машину, и мы помчались по плохо освещённым улицам Вены. Иван Михайлович, поглядывая кругом, сокрушался, что Вена перестала быть Веной: когда-то здесь было светло, как днём, шумели весёлые толпы людей, в многочисленных кафе гремела музыка...

По дороге мы договорились между собой пригласить на концерт и профессора-шофёра, взяв ему билет и оплатив простой такси.

Вскоре автомобиль остановился возле какого-то высокого здания, погружённого в темноту. Присмотревшись к этим пустынным и сумрачным руинам, Иван Михайлович узнал в них знаменитую Венскую оперу и с недоумением посмотрел на профессора, который тоже вышел из такси и запер дверцы. Я собрался было спросить, что означает эта мистификация, как вдруг услышал откуда-то из темноты знакомые звуки той самой моцартовской серенады, которую мы с вами только что безуспешно пытались сыграть...

Да, это был Моцарт... «Клайне нахтшпиль-музик» — «Маленькая ночная серенада». Наш Вольфганг Амедеевич, как мы с вами его зовём, написал её полтора года тому назад, в тяжкие дни своей жизни, для самодовольного зальцбургского архиепископа, владельца всей этой католическо-феодалной округи. Вспомните, с какой чарующей силой сказана в этой

серенаде искромётный гений Моцарта, гений печального «нежилца на свете», как говорят наши русские бабушки, — странная, щемлящая душу смесь буйной весёлости и тайной грусти, надежды и обречённости, мудрости и юношеской беспечности! Играли необыкновенно хорошо. Больше того: я сказал бы, невероятно хорошо. Тут были и грусть, и веселье, и какой-то озорной вызов, и в то же время глубочайшая печаль... Словом, если когда-нибудь я понимал Моцарта и всю трагедию короткой его жизни, то это было именно здесь. И то, что где-то за нашими спинами по Рингу пронеслись, крикая своими гудками, бьюки и кадилляки американцев, не мешало восприятию музыки. Казалось, она каким-то лёгким и широким потоком текла из сумрачного амфитеатра руин первейшего когда-то в мире музыкального театра...

Несколько минут стоял я в темноте, очарованный, не понимая, что происходит и откуда доносится эта музыка. Потом Иван Михайлович, видимо, более трезво настроенный, тронул меня за рукав. Оказалось, что шофёр знаками приглашает нас идти за ним.

Он провёл нас за разрушенный театр. И тут я увидел действительно незабываемое зрелище.

Большой оркестр расположился на задах разрушенной бомбами Венской оперы. Пультов не было; сорок — пятьдесят музыкантов играли творение своего великого соотечественника наизусть. Дирижировал худощавый человек в сером пиджаке. Его нервные руки с длинными пальцами были освещены снизу двумя карманными фонариками, положенными на обломки камней.

В некотором удалении от этого необыкновенного оркестра стояла довольно большая толпа людей. Здесь были мужчины и женщины, были старики и юноши. Они стояли, как в церкви, неподвижно и благоговейно, чуть тронутые слабым светом, пробивавшимся сюда от фонарей на Ринге.

Вглядевшись в тёмную толпу, я понял, что шофёр наш оказался прав: видимо, здесь была вся интеллигенция австрийской столицы. Весь её безработный артистический и научный мир: художники-дровосеки, физики-шофёры, композиторы — чистильщики сапог, артистки-продавщицы, философы-дворники... Безработные музыканты играли для слушателей-безработных. Неистребимая тяга к красоте свела здесь — на задах разрушенной оперы — последние культурные силы несчастной страны, пережившей семь лет фашистского владычества и восемь лет дружественной американской помощи...

Вы можете мне не поверить, но у меня, старого человека, много повидавшего в жизни, подкатил к горлу клубок. И всё то, что читал я до сих пор об Австрии, вдруг приобрело для меня глубочайшее значение.

Я вспомнил некоторые сообщения газет, вспомнил о том, что на первомайской демонстрации венские студенты несли перед собой иронический плакат: «Австрия — самая здоровая страна для учёных: ни один лауреат Нобелевской премии в ней не умер». Дальше фамилиями и цифрами объяснялось, почему: оказалось, все они бежали из Австрии в Швецию, в Иран, в Америку, Францию, Англию — куда угодно, только бы уехать из своей страны, где науке и культуре отпускаются лишь гроши. Я вспомнил и о том, что после войны количество студентов в австрийских учебных заведениях втрое сократилось, вспомнил и о законе, которым предусматривается увеличение платы за занятия в вузах и лабораториях втрое и впятеро. Вспомнил я и о том, что множество австрийских артистов покинули родную страну: уехали в Бразилию, Англию, Испанию, Швейцарию, — что молодые учёные уезжают в Канаду, Норвегию, Гватемалу, лишённые всяких средств к существованию.

Эти мои горькие мысли были неожиданно оборваны. Как вы думаете, чем? Никогда не догадаетесь. Вот вы сами любите говорить, что действительность всегда интереснее, значительнее и неожиданнее любого вымысла. Так оно и получилось.

Вдруг откуда-то из-за руин оперного театра сверкнули мощные фонари, к дирижёру подошёл полицейский в форме, которая одновременно напоминала и гитлеровских штурманов и разбитых американских молодчиков из Эм-Пи — военной полиции. Оркестр смешался, и Моцарт умер. Слушатели метнулись в темноту и исчезли. На освещённой полицейскими фонарями площадке остались только дирижёр, пять — шесть музыкантов, полиция и мы.

По правде сказать, я никак не ожидал, что Иван Михайлович так рассердится. К музыке он никогда не был особенно привержен, характера был спокойного, так сказать, академически уравновешенного, а тут... Он вне себя напустился на офицера, спрашивая, чем объясняется это полицейское вторжение в искусство и кому мешает, что люди собираются в уединённом месте, чтобы насладиться хорошей музыкой. На это полицейский с отменной вежливостью ответил, что есть приказ муниципалитета города Вены не допускать подобных концертов, так как это является (я очень хорошо запомнил формулировку полицейского) «не музыки ради музыки, а музыка ради попрошайничества», ибо обычно после этих концертов дирижёр обходит слушавших со шляпой в руке и собирает подаяние, чего муниципалитет столицы допустить не может...

Во избежание дипломатических недоразумений мне пришлось ухватить Ивана Михайловича за рукав и оттащить от полицейского. Нашего шофёра-профессора на месте не оказалось: видимо, он решил, что лучше потерять заработок, чем лезть в разговор с полицией. В отель мы возвращались пешком.

Мы понимали, конечно, что книги жалоб в австрийском парламенте нет, что обращаться к властям бессмысленно. И только одно утешало нас, вселяло какую-то надежду на то, что музыка Вены, её культура и наука не умрут окончательно. Мы вспомнили о созданном недавно «Сообществе деятелей искусства и науки», которое начинает бороться за дальнейшую жизнь австрийской культуры и, несмотря на многие и самые различные трудности, одерживает уже некоторые победы...

* * *

Николай Петрович, видимо, и сам взволнованный своим рассказом, надел очки и мужественно подсел к роялю.

— Давайте-ка всё-таки возьмём себя в руки и сыграем серенаду как следует, — сказал он полусердито, полуплутливо. — Мне очень хочется её дослушать, хотя бы и в нашем исполнении.

На этот раз, пожалуй, мы сыграли её хорошо.

ВИЛЫ В БОК

ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

Заместитель председателя исполкома Чебаркульского районного совета тов. Балабанов развернул номер областной газеты — и обомлел... Его «расфельетонили». И за что! За то, что он, Балабанов, выселил из гостиницы жильцов, а на их место вселил районного прокурора Голынина. Только и всего!

Через неделю героев фельетона вызвали на заседание исполкома облсовета. Балабанову дали выговор, предложив в десятидневный срок выселить Голынина из гостиницы.

— Ничего! — успокаивал Балабанов приунывшего прокурора. — Можете не беспокоиться! Написанного топором, конечно, не вырубить, но под сукно спрятать можно.

Прокурор Голынин воспрянул духом и, уезжая в отпуск, захватил с собой ключ от гостиницы, а висевшую на здании вывеску приказал снять: пусть, мол, приезжающие в Чебаркуль не заблуждаются, и пусть никто не нарушает покоя нового хозяина.

Впрочем, прокурор напрасно тревожился: товарищи из исполкома областного совета приезжают в Чебаркуль редко. А если и приедут, тоже не очень страшно: эти товарищи давно позабыли о своём категорическом решении в десятидневный срок вернуть гостинице её помещение.

СТАРАЯ СКАЗКА И КУРСКАЯ БЫЛЬ

Бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка за внучку... Давно уже не убирают у нас пропащие культуры столь устаревшим способом. Вот на поля Щигровского района, Курской области, выехал свекловичный комбайн. Машина сама свёклу из земли тащит, ботву с неё режет, в кучи урожай складывает...

Однако зазевался на повороте комбайнер Мелеховской МТС Николай Рыбкин, да и погнул у машины деталь. Беда не велика, можно быстро её исправить. Кликнул Рыбкин на помощь бригадира Алексея Кузнецова. Взглянул Кузнецов на машину, покрутил головой, поскрёб в затылке и позвал на помощь директора МТС тов. Калашникова.

— Не стоит исправлять! — сказал директор. — Лучше снимем с комбайна цепи, отключим кое-что да и перделаем его в обыкновенный свеклоподъёмник!

Задумано — сделано. Тут же, на поле, новенький комбайн превратили в менее производительную машину... Лиха беда — начало. Этак мелеховцы и вовсе откажутся от механизмов! Станут убирать вручную: Рыбкин за свёклу, Кузнецов за Рыбкина, директор за Кузнецова... Словом, как в сказке!

ДЕЛА И РЕЧИ

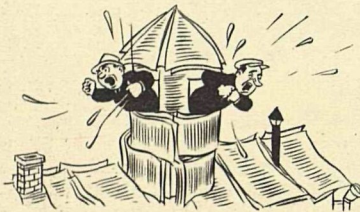
Ранней весной нынешнего года трест «Калужстрой» взялся построить в Калуге четырёхэтажное общежитие педагогического института. Взялся горячо — и объявят об этом с трибуны сессии горсовета. Положат другой — и отапортуют на пленуме горкома партии. Переложат первый на место второго — и радостно доложат об этом событии на собрании городской интеллигенции... Словом, управляющему трестом тов. Шлику и главному инженеру тов. Щеголеву работы хватало по горло.

Так в хлопотах прошла весна. Прошло и лето. И вот уже осень на дворе. А на стройке общежития ни весёлого говора строительных бригад, ни грохота механизмов. Один котлован, да и тот размыт.

Теперь гг. Шлик и Щеголев уже не выступают с патетическими речами. Победные реляции сменились покаянным биением в грудь:

— Простите! Виноваты!!

Если собрать стенограммы всех собраний, конференций, пленумов и заседаний, где речь

шла о «Калужстрое», то из этой груды бумаг можно соорудить высотную башню. При всём старании «Калужстрой» эта башня город Калугу никак не украсит.

НЕТОРОПЛИВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В 1935 году житель города Городца, Горьковской области, А. В. Вашуров получил квартиру в доме № 27 по Набережной улице. Не ахти какие хоромы предоставил ему горсовет: крыша текла, стены были в трещинах, половицы шатались под ногами.

— Не горюй, Вашуров! — сказали новосёлу в домовом тресте. — Произведём твоей квартирке капитальный ремонт.

И начали производить. И ушло на это дело ни много, ни мало — 18 лет. Много воды утекло за эти годы через дырявую крышу. А починить её так и не удосужились.

— Подождёт! — говорили в ремонтно-строительной конторе.

А тов. Вашуров из года в год обивал горсоветские пороги: просил, требовал, писал заявления. Ничего не помогло!

И только прошедшей зимой в дом № 27 по Набережной улице явились рабочие. За полтора месяца они успели заменить дверь да сляпать печку, которая чадит и дымит. Только и всего! Специальная комиссия установила, что ремонт произведён плохо, со множеством недоделок. И опять ходит тов. А. Вашуров к председателю горсовета Я. И. Сорвачёву, опять просит закончить ремонт.

Сколько ещё десятилетий на это потребуется?

ЧУДО-ТАПОЧКИ

Из Ростова в Орёл прибыла партия тапочек, именуемых в официальных документах «облегчёнными туфлями».

Орловская база переслала туфли в магазин Хотынецкого райпотребсоюза. Тут бы им и попасть к покупателю. Но «облегчённые туфли» оказались с изъёмом: внутри у них торчали гвозди. Лучшие мастера района заявили:

— Вынуть гвоздь? Пустяк: нужно только оторвать подошву. А её, подошву, и жалеть нечего. Сами видите, она вся в трещинах.

Областная торговая инспекция отправила пару тапочек как вещественное доказательство в Министерство внутренней торговли.

В Министерстве поглядели на тапочки и возмутились:

— Безобразия! Бракоделов — к ответу!

И отправили тапки по месту их рождения, в город Ростов-на-Дону, на обувную фабрику имени Микояна.

Здесь даже удивились:

— Стоило ли откуда-то присылать в Ростов тапочки, когда в ростовских магазинах их сколько угодно с такими же дефектами!

И вернулись тапки обратно на Орловщину, в магазин Хотынецкого райпотребсоюза. Совершив это утомительное путешествие, «облегчённые туфли» прибыли домой как ни в чём не бывало, целыми и невредимыми. Даже с гвоздями. Их и в Ростове-на-Дону не рискнули удалить.

А бракоделы? Их тоже никто не рискнул беспокоить.

ЗАКОРЮЧКА

Долгие часы стояли люди, жаждущие выехать в Кисловодск, у кассы Курского вокзала в Москве. Наконец радио известило: на кисловодский поезд имеется 25 билетов.

Переминаясь на онемевших ногах, гражданин И. Д. Куликов подходил уже к заветному окошечку. Но тут кассирша бесстрастно объявила: все билеты на поезд проданы.

Куликов, естественно, возмутился и написал жалобу. Ответ не замедлил последовать. Через два месяца кто-то за начальника пассажирской службы Московско-Курско-Донбасской дороги (вместо фамилии стояла замысловатая закорючка) официально извещал Куликова, что его жалоба лишена всяких оснований: кисловодский поезд № 27 ушёл в тот день, имея 84 свободных места.

Прочитал И. Д. Куликов закорючкину отповедь, глазам своим не поверил и хотел спросить: почему же, если были свободные места, на них не продали билетов?

Но кого спросить? Ведь товарищи, ответственные за обслуживание пассажиров, предпочитают оставаться в тени, прикрываясь спасительной закорючкой!

Впрочем, руководство дороги может сравнительно легко расшифровать закорючку. Была бы охота!

перець

УКРАИНСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

ВЕСЬ В ПАПУ

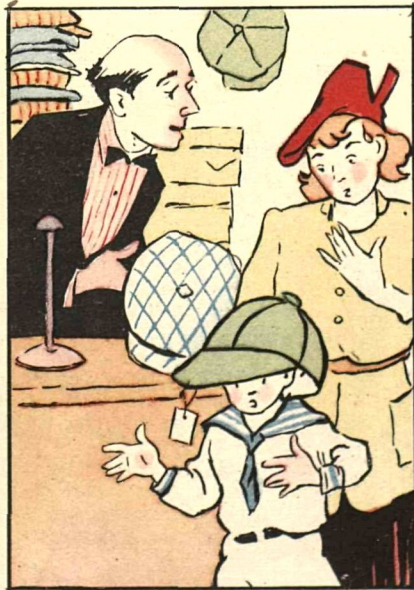
Рисунок З. ТОЛКАЧЕВА.

— Безобразие! Как долго не подают машину!

В магазинах очень ограничен выбор головных уборов для детей дошкольного возраста.

Рисунок С. САМУМА.

Не по Сеньке шапка.

Уманский овощекombинат Киевского облпотребсоюза солит огурцы в гнилых бочках.

Рисунок С. САМУМА.

— Вам пива!
— Нет, бочек...

ПОРТРЕТ ЗАЗНАВШЕГОСЯ

Рисунок А. КОЗИЮРЕНКО.

В магазинах города Иванова сахарный песок, карамель, печенье и другие продукты отпускаются без тары.

(Из письма в редакцию).

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Каждый — сам себе тара.

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО ЗНАМЯ

В защиту булочек

Если вы выйдете утром, в час прибытия московского поезда, на привокзальную площадь станции Калуга и спросите у первого же приехавшего, где купил он такие румяные, душистые булочки с изюмом или крендели с маком, вам ответят примерно так:

— А вот случилось побывать в столице, ну и везу своим домашним гостинчикам...

Можно подумать, что в Калуге нет ни хлебозаводов, ни пекарен... Есть в Калуге и хлебозаводы и пекарни. Но...

Директор хлебозавода № 1 на улице Урицкого Георгий Петрович Могилевский пояснил:

— Сейчас мы выпекаем хлеб ржаной обойный формовой весомой и иногда ржаной штучный.

— Это сколько ж, значит, сортов? Четыре, пять?..

— Видите ли, это один сорт. Такое уж его техническое название. Правда, мы вырабатывали и заварной хлеб, и ржаной обдирный, и ржаной сеяный.

— Это тоже один сорт с таким длинным названием?

— Нет, это уже три сорта, которые, я говорю, мы когда-то выпускали. Эх, и времена были! Каждый день ругали за план. А теперь вот и план выполняем, а всё ругают. Ассортимента, говорят, не даёте. А как его дашь, если для выпечки хотя бы московских хлебцев нет солода?!

— А вы потребуйте.

— Легко сказать!.. А с кого потребуешь?

Мы входим в тяжёлое положение Георгия Петровича, ибо, действительно, очень трудно потребовать с самого себя. Разве только взять и самому себе закатить приказом строгий выговор за то, что на заводе не вырабатывается солод, а следовательно, и московские хлебцы...

Управляющий Калужским хлебокомбинатом Михаил Алексеевич Горбачёв, руководящий непосредственно хлебозаводом № 2, человек деловой и самокритичный, повествует бодро:

— На заводе дела идут. Жмём на ассортимент. Выпускаем хлеб пшеничный формовой весомой, красносельский подовой весомой, батоны городские высшего сорта, батоны простые первого и второго сорта. Правда, не охвачены ещё нашим вниманием такие сорта пшеничного хлеба, как минский, бородинский, рижский, чайный и прочие. Понимаете, освоение — дело сложное. И, что греха таить, бывают случаи, когда обратно приносят уже освоенные нами батоны, говорят: мол, они маленько того, некрасивые. А я скажу: в красоте ль дело? Не на выставку же печём! Было бы сытно, а что батон попал кривой, горбатый и не румяный...

Здесь уже, как видите, дело перешло с самокритики на критику. Критику в адрес разборчивого покупателя. Однако опустим эту часть бойкой речи товарища Горбачёва и отправимся в пекарню № 2.

Заведующего этой пекарней Дмитрия Архиповича Бавыко, человека среднего роста, мы едва отыскали среди ящиков, мешков и корзин, набитых днепровскими пряниками второго сорта.

— А где же ваша знаменитая городская булочка высшего сорта? — спросили мы его.

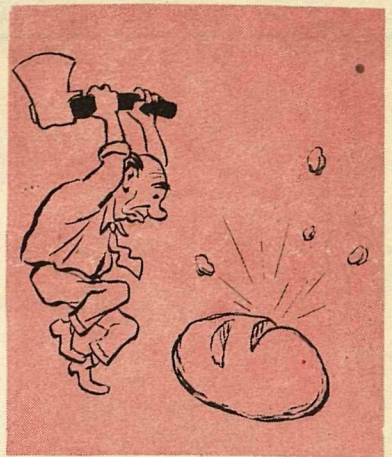
— Вы, я вижу, слишком просто подходите к этому вопросу, — начал он, присаживаясь на ящик с пряниками и предлагая нам сесть на мешки тоже с пряниками. — На городскую булочку огромный спрос. В магазинах и буфетах её расхватывают моментально! Выпечем мы тысячу, сто тысяч — их разберут, и конец... А попробуйте наделать вот таких пряников, о которые зубы можно обломать, и сумеете спустить их в торговую сеть — вот это будет героизм!

— Значит, пряники делаете?

— Пряники! Пряники второго сорта...

— И больше ничего не умеете?

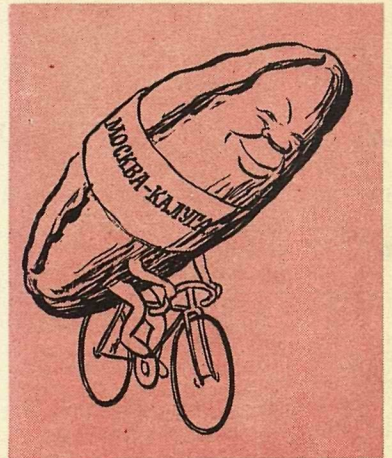
— Кто?! Мы?! — Дмитрий Архипович соскочил с ящика. — Это мы ничего не умеем? Ну, это вы слишком. Мы под майские, октябрь-

ские и новогодний праздники делаем чудеснейшие торты и пирожные, выпускаем отличнейшие сухари: ванильные, сахарные, чайные и дорожные. Их покупают охотно. Тоже и булочки и сушку!

Заведующая третьей пекарней Ксения Петровна Козлова ничем не хвалилась и ни на что не жаловалась. На стеллажах лежала ровными рядами сдоба обыкновенная. Признаться, она необыкновенно заманчиво выглядела — румяная, пышная, ароматная.

«Однако умеют у нас всётаки...» — решили мы и отправились вслед за корзинами, битком набитыми сдобой, туда, где этой сдобой торгуют. Мы наконец во-

очию убедились, что можно и в Калуге приобрести хорошую, ничем не хуже московской булочку. Но... когда распаковали корзины, мы увидели в них вместо сдобы нечто похожее на мятые старые картузы. Сам директор горпищеторга Борис Семёнович Панин, в чьём ведении находится сия транспортровка, отвернулся.

— М-да, — сказал он и долго думал, что бы это такое ещё прибавить, но так и не придумал.

...А на третьем этаже, в просторном кабинете с большими окнами, сидит за письменным столом самый спокойный человек — управляющий трестом «Рославхлеб» Михаил Семёнович Корнев.

— Вот построим мы, — говорит он, — новый хлебозавод, и тогда...

— А когда это будет «тогда»?

— Примерно через год — полтора. Строить начали.

— Год — полтора! А пока, вы ходите, возите, дорогие калужане, хорошие булочки с изюмом и крендели с маком из Москвы вроде гостинчика?

Нет, так дело не пойдёт! Надо, чтобы в булочных Калуги сегодня продавалось то, что пока ещё привозят из Москвы.

В. КАЛАШНИКОВ

г. Калуга.

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, кому больше всего в служебных делах доверяет заведующий Кагальницким районным отделом кинофикации тов. Волов? Своей жене! Она, правда, в штатах отдела, подведомственного мужу, не состоит, но является его первой помощницей. Когда

тов. Волов собирается в командировку, он передаёт гербовую печать своей супруге Александре Николаевне.

Супруга его весьма подозрительно относится к работникам отдела кинофикации. Поэтому, если надо скрепить печатью какой-либо документ, Александра Николаевна требует предъявить специальное распоряжение заместителя председателя райисполкома тов. Кунченко. Только при этом условии она соглашается извлечь печать из нижнего ящика комода.

Дорогой Крокодил, а как быть заведующему отделом кинофикации, если его жена уедет в дом отдыха? Кому он, горемычный, тогда печать-то доверит?

Н. ПОПОВ,
редактор районной газеты «Ленинец».

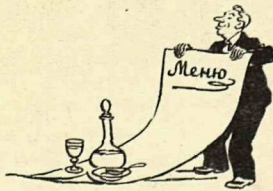
станция Кагальницкая,
Ростовской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Мы, жители Крымской станции, привыкли, посещая нашу чайную, приносить с собой какую-нибудь еду. В противном случае уйдёшь оттуда голодным.

Меню чайной предлагает посетителям тринадцать фабричных кондитерских изделий и богатый выбор настоек, водок и вин. А вот кто пришёл покушать — к их услугам всего два вторых блюда (каша перловая и каша манная). И один суп, да и тот без мяса.

Очевидно, директор чайной М. Пилипенко свела к жёсткому минимуму ассортимент наиболее ходовых блюд, исходя из интересов самих же потребителей. Пусть, мол, добрые люди не затрудняются выбором и долго не раздумывают, что им заказать.

Смею заверить уважаемую М. Пилипенко, что напрасно она беспокоится. Выбор для нас — дело привычное. На колхозном базаре мы прекрасно ориентируемся в изобилии всевозможных продуктов, которые даёт наша плодородная Кубань. Выбирать мы умеем! Так что не оплошаем и в станичной чайной.

Е. ИЛЬЕНКОВ

станция Крымская,
Краснодарского края.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Как ты думаешь, кто должен расплачиваться за свои ошибки? Конечно, тот, кто их совершил. Так полагал и я. Но...

Однажды я отправил багаж до станции Носовка, Юго-Западной железной дороги. Несколько раз я интересовался судьбой своих вещей.

— Ещё не прибыли, — категорически заявляли мне на станции.

А между тем мой багаж давно прибыл и безмятежно покоится на станционном складе.

Как видишь, ошибку совершили работники станции, а расплачиваться пришлось мне, причём в буквальном смысле расплачиваться... за хранение багажа.

И получилось, что наказали Фому за ерёмину вину.

С. МАРТЫНЕНКО

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Ты никогда не догадаешься, чем занимается тов. Чернышёв, заведующий отделом благоустройства города Торжка. Думаешь, благо-

устройством города? Мы сами так полагали, пока не ознакомились с его ответами на жалобы жителей города, кстати сказать, довольно многочисленными.

«В вопросе деревьев, — пишет тов. Чернышёв, — пока считаем растут на местах...», «В вопросе деревьев против мельницы проходу не мешали более 30 лет и сейчас не мешают...», «Строительство бульварной мостовой к бойне пока не планируется и только потому, что в городе имеется очень большое количество дорог плохого качества... и др. более важное».

Чем «др. более важным» занимается тов. Чернышёв, не установлено. Но то, что он занимается отписками на жалобы трудящихся, это, как ты теперь догадываешься, сомнений не вызывает.

В. МАНСВЕТОВ,
сотрудник газеты «Знамя коммунизма».

г. Торжок,
Калининской области.

ФОТО-ВИТРИНА

ПИК КОВАЛЕНКО

Из учебников физической географии известно, что возвышенности создавались в течение миллионов лет. А вот эта возвышенность (см. фото) на станции Вёрда, Московско-Рязанской железной дороги, имеет всего лишь дошкольный возраст.

Вёрдская возвышенность богата полезными ископаемыми. Достаточно копнуть палочкой — и легко можно обнаружить залежи ценнейших минеральных удобрений.

Своим существованием Вёрдская возвышенность обязана заведующему Сараевской конторы «Сельхозснаб» тов. Коваленко. Это он распорядился сваливать сюда грузы с удобрениями и не заботился о том, чтобы колхозы во-время их получили.

Судя по тому, как быстро выросла возвышенность у станции Вёрда, ждать здесь образования пика имени Коваленко осталось недолго.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КИОНАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 785.

Подписано к печати 1/Х 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₄.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 04140.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2539.

Тираж 350 000 экз.

осенние КАРТИНКИ

Всесоюзная
Книжная Палата
Объявл. экзempl.
1953 г.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Желтеют листья.

Осень алиментщика.

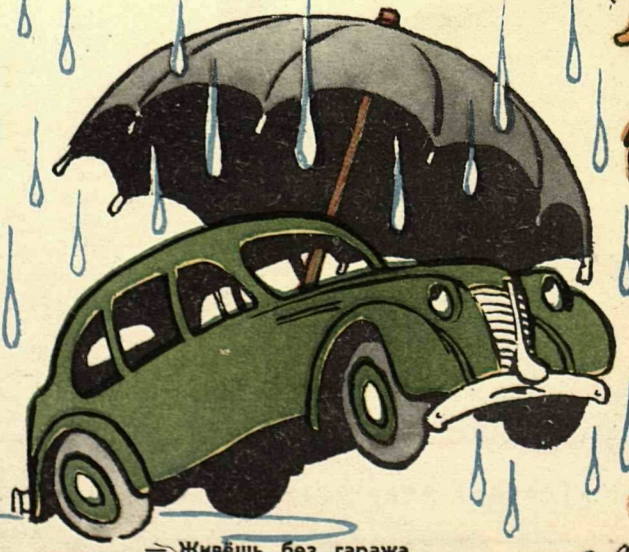
Засушил на память.

Зонт перестраховщика.

— Всё в порядке! Дом можно принять...

— Живёшь без гаража, поневоле зачихаешь.

233